

Концепция создания Института национальной памяти Беларуси

Оглавление

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1: ПРАВОВАЯ ОСНОВА	5
ГЛАВА 2: ИНСТИТУТЫ ПАМЯТИ В МИРОВОЙ ПРАКТИКЕ	9
ГЛАВА 3. ПОЧЕМУ БЕЛАРУССКОМУ ОБЩЕСТВУ НУЖЕН ИНСТИТУТ ПАМЯТИ	29
ГЛАВА 4. КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ И АРХИТЕКТУРА ИНСТИТУТА НАЦИОНАЛЬНОЙ ПАМЯТИ БЕЛАРУСИ	35
ГЛАВА 5. МАНДАТ, ПОЛНОМОЧИЯ И УСТРОЙСТВО ИНСТИТУТА НАЦИОНАЛЬНОЙ ПАМЯТИ БЕЛАРУСИ	39

ВВЕДЕНИЕ

Эта концепция предлагает практичную, ориентированную на внедрение, модель Института национальной памяти Беларуси. Речь идет о новой публичной институции, которая будет собирать и открывать документы о репрессиях, помогать пострадавшим и их семьям, объяснять обществу, что происходило в советский период и в годы современного авторитаризма, а также проверять прошлое тех, кто стремится занимать ответственные государственные должности. Концепция исходит из признания того, что общество имеет право получать достоверную информацию о фактах нарушений, а государство обязано эти факты устанавливать и открыто сообщать обществу.

Концепция нужна для того, чтобы перевести право на истину из общих слов в законодательно определенные процедуры. Здесь описано, как устроить доступ к архивам, как работать со свидетельствами и как включить проверенную информацию в образование, медиа и работу музеев. Особое внимание уделяется защите персональных данных лиц, чьи персональные данные подлежат охране, и правилам, когда и почему отдельные сведения могут быть временно ограничены.

Предполагается, что Институт будет действовать на основе специального закона и собственного устава. Закон закрепит мандат, принципы и ключевые процедуры: открытость архивов, независимость руководства, правила для граждан. Устав и внутренние регламенты определяют ежедневные процессы: как принимаются и рассматриваются запросы, как ведется оцифровка, как формируются отчеты и как организовано взаимодействие с другими органами.

Концепция опирается на международные стандарты прав человека и на опыт стран, которые уже прошли через работу с тяжелым прошлым. В качестве ориентиров взяты практики, многократно проверенные временем, общественным наблюдением и судами: презумпция открытости архивов с точечной анонимизацией, понятные сроки ответа на запросы, участие пострадавших, связка с правосудием, устойчивое финансирование и публичная отчетность. При этом предлагается использовать те элементы зарубежного опыта, которые могут быть адаптированы к белорусским условиям.

Концепция адресована широкому кругу читателей: семьям пострадавших, гражданскому обществу, учителям и журналистам, будущим законодателям и тем, кто готовит реформы. Текст намеренно избегает профессионального жаргона и объясняет юридические термины простым языком. Цель – чтобы каждый понимал, как именно институт памяти поможет получить ответ на свой запрос, где искать документы и как пользоваться результатами его работы.

Структура концепции выстроена следующим образом. Сначала кратко изложены правовые основания и международная практика. Затем объясняется, почему белорусскому обществу необходим институт памяти. Далее предлагается модель и архитектура будущего органа. После этого описаны полномочия, управление, подотчетность и финансирование, чтобы показать, как идея превращается в работающую систему.

Такой институт должен вернуть людям их имена и сведения о прошлом, дать свободный доступ к документам и помочь стране выработать понятные правила работы с памятью и фактами нарушений прав человека. Это позволит надежно фиксировать такие события, честно их разбирать и тем самым уменьшать риск того, что они повторятся.

ГЛАВА 1: ПРАВОВАЯ ОСНОВА

Право на установление истины – обязанность, вытекающая из международных стандартов и возлагаемая на государство. Оно отвечает на простой вопрос: что на самом деле произошло, где наши близкие, почему были допущены злоупотребления и кто за это отвечает? Когда государство признает это право, оно берет на себя обязанность разбирать прошлое не избирательно, а полно и честно, и делиться результатами с людьми. Такая обязанность вырастает из международно признанных норм и уже давно не ограничивается политическими обещаниями.

Истоки этого права лежат в международном гуманитарном праве¹, которое действует во время вооруженных конфликтов. Международные правила закрепили обязанность государства разыскивать пропавших без вести, выяснять их судьбу и информировать семьи. Идея проста: родные имеют право знать, что произошло с их близким, а государство обязано установить соответствующие факты и предоставить эту информацию. Эта логика зафиксирована в Дополнительном протоколе I к Женевским конвенциям², который говорит о сотрудничестве государств в поиске пропавших и об информировании семей, а также в обычных нормах гуманитарного права, подтверждающих долг разыскивать пропавших и сообщать об их судьбе³. Со временем эта обязанность вышла за пределы войны и стала применяться в каждом случае тяжких нарушений прав человека – пыток, внесудебных казней, насильственных исчезновений.

Дальше право на истину укоренилось в международной системе защиты прав человека. Международная конвенция о защите всех лиц от насильственных исчезновений⁴ прямо закрепляет за жертвами и их родственниками право знать обстоятельства исчезновения, ход и результат расследования и судьбу человека. Это означает, что доступ к установленным фактам — не жест доброй воли, а часть правовой защиты и элемент доступа к правосудию.

---

¹ Источники международного гуманитарного права. URL: <https://www.icrc.org/en/geneva-conventions-and-law>

² Protocol Additional to the Geneva Conventions of 12 August 1949, and relating to the Protection of Victims of International Armed Conflicts (Protocol I), 8 June 1977, arts. 32–33. URL: <https://ihl-databases.icrc.org/en/ihl-treaties/api-1977>

³ ICRC Customary IHL Study, Rule 117 (Accounting for Missing Persons). URL: <https://ihl-databases.icrc.org/en/customary-ihl/v1/rule117>

⁴ International Convention for the Protection of All Persons from Enforced Disappearance, art. 24. URL: <https://www.ohchr.org/en/instruments-mechanisms/instruments/international-convention-protection-all-persons-enforced>

Так право выходит за рамки интересов только близких людей и превращается в универсальный стандарт, который действует и в мирное время.

Постепенно стало ясно, что это право имеет и общественный характер. Помимо жертв и их близких, право знать установленные факты нарушений принадлежит обществу в целом, поскольку информация о грубых нарушениях влияет на доверие к государственным институтам и на безопасность каждого. Генеральная Ассамблея ООН подчеркивает это, призывая государства создавать механизмы установления фактов и поддерживать гражданское общество⁵. Такой подход переводит вопрос доступа к информации из частной сферы в область публичного интереса и демократической подотчетности.

Значимую роль играют и стандарты о возмещении вреда. “Основные принципы и руководящие положения”⁶ о праве жертв на правовую защиту и репарации указывают, что сатисфакция включает не только материальные выплаты или лечение, но также установление фактов, публичное сообщение информации о нарушениях, официальные извинения и меры по восстановлению достоинства пострадавших и увековечиванию памяти. Иными словами, документирование событий и раскрытие подтвержденных фактов рассматриваются как элементы системы возмещения вреда. Тем самым право на установление фактов и доступ к информации становится обязанностью государства в рамках правовой защиты и компенсационных мер.

Пункт 22 Основных принципов подчеркивает, что возмещение предполагает установление и публичное раскрытие всех существенных фактов о нарушениях. Туда же относится официальное заявление или судебное решение, которое восстанавливает достоинство, репутацию и права жертвы и ее близких. Документ относит мемориальные практики к формам возмещения. Когда это возможно, сатисфакция должна содержать публичные извинения, поминовение и достойное увековечение памяти жертв. Важна и просветительская часть: точную информацию о нарушениях следует включать в учебные программы по правам человека и международному гуманитарному праву и в учебные пособия всех уровней.

Содержание права на истину включает не только конечный отчет, но и процесс. Государство должно проводить независимое и эффективное расследование, сохранять документы и доказательства, обеспечивать участие и информирование пострадавших, а по итогам – раскрывать существенные факты обществу. «Обновленный свод принципов по борьбе с

---

⁵ UN General Assembly, Resolution 68/165, The right to the truth, 18 December 2013. URL: <https://docs.un.org/ru/A/RES/68/165>

⁶ UN General Assembly, Resolution 60/147, Basic Principles and Guidelines on the Right to a Remedy and Reparation, 16 December 2005. URL: <https://docs.un.org/ru/A/RES/60/147>

безнаказанностью»⁷ системно описывает «право знать», «долг памяти» и обращение с архивами. На практике это означает, что архив с материалами о злоупотреблениях должен рассматриваться как общественное достояние и использоваться по прозрачным правилам. Его нельзя уничтожить или спрятать, потому что от этого зависят справедливость и безопасность в будущем.

Есть еще один важный аспект, связанный со свободой выражения и доступом к информации. Международное право требует, чтобы доступ к данным публичного интереса был «легким, быстрым и практичным».⁸ Это особенно важно для сведений о нарушениях прав человека и международного гуманитарного права. Ограничения допустимы, но только законные, необходимые и соразмерные, например для защиты персональных данных или действительно чувствительной информации о национальной безопасности. Причем бремя доказать необходимость ограничения лежит на государстве, а презумпцией является открытость.

Право на истину связано и с обязанностью государства расследовать тяжкие злоупотребления как частью защиты права на жизнь и запрета пыток. Международные стандарты расследований требуют, чтобы такие дела рассматривались своевременно, беспристрастно и результативно, с должным информированием семей и общества. Эти требования подробно описаны в Миннесотском протоколе по расследованию потенциально незаконных смертей⁹ и в Стамбульском протоколе по расследованию пыток¹⁰. Они переводят общие нормы в практические шаги: как собирать доказательства, как защищать свидетелей, как документировать травмы и как представлять информацию публично, не нарушая прав лиц, чьи персональные данные подлежат охране.

18 декабря 2013 года была принята Резолюция 68/165 Генеральной Ассамблеи ООН о праве на установление истины¹¹, которая призывает государства рассмотреть вопрос о создании особых судебных механизмов и, по мере необходимости, комиссий по установлению истины и примирению для расследования грубых нарушений прав человека и серьезных нарушениях международного гуманитарного права, а также признать важную роль

---

⁷ Updated Set of Principles for the Protection and Promotion of Human Rights through Action to Combat Impunity (E/CN.4/2005/102/Add.1), Principles 2–5, 2005. URL: <https://docs.un.org/ru/E/CN.4/2005/102/Add.1>

⁸ Human Rights Committee, General Comment No. 34, Article 19: Freedoms of opinion and expression, CCPR/C/GC/34, 2011. URL: <https://docs.un.org/ru/CCPR/C/GC/34>

⁹ The Minnesota Protocol on the Investigation of Potentially Unlawful Death (2016). URL: <https://www.ohchr.org/sites/default/files/Documents/Publications/MinnesotaProtocol.pdf>

¹⁰ Istanbul Protocol: Manual on the Effective Investigation and Documentation of Torture and Other Cruel, Inhuman or Degrading Treatment or Punishment (2022 revision). URL: https://www.ohchr.org/sites/default/files/2023-04/Istanbul%20Protocol_HR_P_PT_8_Rev.2_RU.pdf

¹¹ A/RES/68/165. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N13/449/37/PDF/N1344937.pdf?OpenElement>

гражданского общества и поддержать его в наблюдении за выполнением рекомендаций комиссий по установлению истины.

Наконец, право на истину включает память. Публичные извинения, официальное признание фактов, памятные практики, включение точной информации в образовательные программы – все это юридически значимые формы сатисфакции. Они помогают вернуть жертвам достоинство и уменьшают риск повторения, потому что честно рассказанное прошлое делает общество устойчивее к манипуляциям.

В своем докладе бывший Спецдокладчик по вопросу о содействии установлению истины, правосудию, возмещению и гарантиям неповторения Фабиан Сальвиоли приходит к выводу, что право на установление истины неразрывно связано с созданием коллективной памяти и гарантиями неповторения¹². В этом же Докладе признается важность комиссий по установлению истины, при этом обращается внимание на необходимость добросовестного подхода к применению механизмов переходного периода.

Так формируется целостная правовая основа: нормы гуманитарного права задают первоначальный долг государства устанавливать факты и сообщать информацию о судьбе людей; система защиты прав человека расширяет этот долг до универсального стандарта; решения и руководящие положения ООН уточняют, что установление фактов, их документирование и публичное раскрытие являются элементами репараций и гарантий неповторения нарушений. Из этих норм вытекают конкретные обязанности государства: расследовать и фиксировать нарушения, сохранять и раскрывать информацию, обеспечивать доступ к архивам, уважать память и обеспечивать участие пострадавших. Такая связка превращает право на установление фактов и доступ к информации в рабочий юридический инструмент для белорусского общества, а не в абстрактное моральное требование.

---

¹² Процессы увековечения памяти в контексте серьезных нарушений прав человека и международного гуманитарного права: пятый столп правосудия переходного периода Доклад Специального докладчика по вопросу о содействии установлению истины, правосудию, возмещению ущерба и гарантиям недопущения нарушений (A/HRC/45/45). URL: <https://docs.un.org/ru/A/HRC/45/45>

ГЛАВА 2: ИНСТИТУТЫ ПАМЯТИ В МИРОВОЙ ПРАКТИКЕ

Правовая основа государственной политики памяти должна опираться не только на универсальные нормы, но и на проверенные решения других стран. Именно практический опыт показывает, как превращать право на доступ к установленным фактам в работающие процедуры: кто собирает свидетельства, как открываются архивы, каким образом защищаются персональные данные и как обеспечивается доступ общества к результатам. Сравнение помогает избежать крайностей – от символических жестов без последствий до силовых схем, где память становится инструментом политики. Поэтому важно изучить модели, которые выдержали общественный контроль, судебные проверки и смену политических циклов.¹³

Для белорусского контекста ценность этого обзора двойная. С одной стороны, он дает «каталог решений» – от формулировок мандата до процедур рассекречивания и анонимизации. С другой – помогает расставить приоритеты и очередность: понять, что запускать сразу, что разворачивать поэтапно, и какие гарантии неповторения закреплять в законе.

Венгрия

Венгерская политика памяти складывалась на стыке трех направлений: правового признания тяжких преступлений коммунистического периода как не подлежащих срокам давности, институционального открытия архивов госбезопасности и создания специализированных исследовательских и музейных структур. Такое сочетание обеспечило одновременно правовую основу для расследований и публичную работу с прошлым, что в международной перспективе рассматривается как необходимое условие реализации права на истину и недопущения повторения нарушений.

---

¹³ OHCHR, Rule-of-Law Tools for Post-Conflict States: Truth Commissions (2006, rev.). URL: <https://www.ohchr.org/sites/default/files/Documents/Publications/RuleoflawTruthCommissionsru.pdf> ;

Сравнительный анализ правового регулирования памяти в Германии, Польше, Венгрии, странах Балтии, России и Украине см.: проект MEMOCRACY – The Challenge of Populist Memory Politics for Europe. URL: <https://memocracy.eu>

Знаковым элементом этой архитектуры стал Комитет национальной памяти (Nemzeti Emlékezet Bizottsága, NEB), учрежденный парламентом в 2013 году¹⁴. В самом замысле Комитета соединены три задачи: государственное сохранение памяти о коммунистической диктатуре, исследование механизмов функционирования власти в 1944–1990 годах и содействие прокуратуре в выявлении круга лиц, причастных к «непогашаемым» преступлениям эпохи диктатуры. Эта связка «память – исследование – сотрудничество со следствием» закреплена в официальных формулировках мандата Комитета и объясняет, почему NEB занимает центральное место в венгерской модели работы с прошлым.

Комитет задуман как независимый орган с собственной администрацией и штатом исследователей, юристов и специалистов по базам данных, ежегодно отчитывающийся перед парламентом. Состав Комитета компактный: закон устанавливает пять членов, включая председателя и заместителя. Такая модель – малый коллегиальный орган, опирающийся на профессиональное Бюро – позволяет совмещать стратегическое руководство с операционной исследовательской работой.

Не менее важно архивное направление. Еще в 2003 году специальным законом был создан Исторический архив органов государственной безопасности (ÁBTL)¹⁵, наделенный мандатом хранить и раскрывать документацию о деятельности госбезопасности периода 1944–1990 годов. Практический смысл в том, что NEB опирается на институционально обеспеченный доступ к массивам документов и персональным делам. Это позволяет перейти от общих описаний прошлого к точному выявлению ключевых элементов системы власти, конкретных людей и повседневных практик диктатуры.

Вокруг Комитета сформировалась и более широкая инфраструктура памяти. С 2002 года действует Музей «Дом террора» в Будапеште¹⁶, который выполняет роль узнаваемого публичного «окна» политики памяти и регулярно становится площадкой для экспозиций и образовательных программ о преступлениях нацистского и коммунистического режимов. Параллельно в 2013–2014 годах создан и расширен государственный исследовательский институт VERITAS¹⁷, сфокусированный на «национальной исторической идентичности» последних полутора столетий, вокруг которого ведутся профессиональные и общественные дискуссии о стандартах научности и рисках политизации памяти. Эта система – музей,

---

¹⁴ Committee of National Remembrance (NEB), establishing law (2013. évi CCXLI. törvény). URL: <https://net.jogtar.hu/jogszabaly?docid=a1300241.tv&utm>; overview: <https://neb.hu/en>

¹⁵ Act No. III of 2003 on the Disclosure of the Secret Service Activities of the Communist Regime and on the Establishment of the Historical Archives of the Hungarian State Security. URL: https://www.abtl.hu/files/dokumentumok/english/ABTL_4_2003_evi_III_tv_e.pdf

¹⁶ House of Terror Museum, background and debates. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/House_of_Terror

¹⁷ VERITAS Research Institute and Archives, founding decree and debate on mergers. URL: <https://veritasintezet.hu/en/>

исследовательские институты, образовательные проекты – обеспечивает общественное распространение знаний, которые Комитет собирает и упорядочивает.

Венгерская модель демонстрирует, как правовая квалификация преступлений, архивная открытость и специализированный исследовательский орган могут быть сведены в согласованную систему, где историческая реконструкция поддерживает процессуальные механизмы государства, а публичная память – их легитимирует и делает доступными обществу.

Румыния

Румынская политика памяти развивалась вокруг двух взаимосвязанных направлений: правового доступа к архивам коммунистической службы безопасности и общественно-научной работы с последствиями диктатуры. На первом направлении ключевую роль сыграл Национальный совет по изучению архивов Секуритате (Consiliul Național pentru Studierea Arhivelor Securității, CNSAS)¹⁸. Он был создан на рубеже 1999–2000 годов в соответствии с законом №187/1999 об открытии личных дел и разоблачении Секуритате как политической полиции, а затем перезапущен после решения Конституционного суда от 31 января 2008 года, признавшего исходный закон неконституционным. Таким образом, CNSAS оформился как автономный публичный орган под парламентским контролем, которому вверены хранение, обработка и раскрытие архивов политической полиции коммунистического периода.

Особенность модели CNSAS – сочетание индивидуальных прав и публичного интереса. Любой гражданин может запрашивать свой «персональный файл» и узнавать, велось ли за ним наблюдение, кто выступал доносчиком, а также добиваться официальных проверок публичных деятелей на сотрудничество с политической полицией. Для исследователей действует система аккредитации, дающая доступ к читальным залам и копированию материалов с учетом ограничений по защите данных. На практике именно эта связка – прозрачные правила доступа и институциональная инфраструктура архива – сделала возможной масштабную работу историков, журналистов и правозащитников с документами Секуритате.

Второй опорой стала деятельность Института по исследованию преступлений коммунизма и памяти румынской эмиграции (IICCMER)¹⁹. Это правительственная структура, созданная в 2009 году, которая проводит исследования, собирает свидетельства, поддерживает образовательные и музейные проекты, а при наличии признаков уголовных деяний направляет материалы в прокуратуру.

---

¹⁸ Consiliul Național pentru Studierea Arhivelor Securității – CNSAS. URL: <http://www.cnsas.ro>

¹⁹ IICCMER. URL: <https://www.iiccmr.ro/>

Наконец, важную роль играет культурно-мемориальная инфраструктура. Мемориал жертв коммунизма и сопротивления в Сигете²⁰ – один из символов общественной работы с прошлым, в котором музейные экспозиции соединяются с исследовательскими программами и публичными инициативами. Благодаря такому видимому пространству памяти архивные находки и научные выводы получают общественное звучание и включаются в образование, журналистику и локальные инициативы.

В целом румынский опыт демонстрирует, как институционально оформленный архивный доступ и независимый архивный орган (CNSAS) могут взаимодействовать с исследовательско-экспертной структурой (IICCMER) и музейно-образовательными площадками.

Чехия

Чешская система памяти выстроена вокруг двух взаимосвязанных институтов – Института исследования тоталитарных режимов (Ústav pro studium totalitních režimů, ÚSTR)²¹ и Архива органов госбезопасности (Archiv bezpečnostních složek, ABS)²². Их одновременно учредил специальный закон №181/2007.²³ В одном акте определены задачи исследовательского института, правила работы архива и порядок передачи в архив фондов бывшей коммунистической службы безопасности. Такой подход дал понятную точку входа для граждан и исследователей: есть орган, который объясняет прошлое и делает его доступным, и есть архив, где хранятся документы и к которым можно прийти с запросом. Принятый еще со времен Чехословакии люстрационный закон №451/1991 создал спрос на проверяемую информацию²⁴.

Мандат ÚSTR охватывает два исторических периода – нацистскую оккупацию 1939–1945 годов и коммунистическое правление 1948–1989 годов. Институт занимается академическими исследованиями, публикует результаты, готовит выставки и образовательные проекты, а также помогает обществу разобраться, как работали репрессивные службы, какие практики применялись и как они влияли на частную жизнь людей. Важно, что ÚSTR активно использует результаты архивных исследований. Институт публикует научные сборники и журнал „Память и история“, готовит мультимедийные

---

²⁰ Мемориал жертв коммунизма и сопротивления (Сигет). URL: <https://www.memorialsighet.ro/memorial-en/>

²¹ Institute for the Study of Totalitarian Regimes. URL: <https://www.ustrcr.cz/en/>

²² Archiv bezpečnostních složek. URL: <https://www.abscr.cz/en/>

²³ Act No. 181/2007 Coll. on the Institute for the Study of Totalitarian Regimes and the Security Services Archive. URL: <https://www.ustrcr.cz/data/pdf/normy/act181-2007.pdf>

²⁴ Act No. 451/1991 Coll. (Czechoslovakia). URL: <https://www.ustrcr.cz/data/pdf/normy/act451-1991.pdf>

проекты и выездные выставки, которые показывают, как на практике работала система слежки и контроля. Такой подход обеспечивает перевод архивных материалов в исследовательские, образовательные и публичные форматы, делая сложные темы доступными широкому кругу людей.

Архив ABS – это отдельное учреждение со своими читальными залами, электронными путеводителями и процедурами доступа. Любой человек может проверить, фигурирует ли он в регистрах бывшей госбезопасности, заказать копии материалов и получить консультацию сотрудников архива о том, как читать оперативные дела и какие ограничения действуют из-за охраны персональных данных. Это не просто хранилище, а рабочая площадка: существуют именные и тематические указатели, объясняющие, где искать следы конкретного человека или события, а также готовые навигационные материалы по отдельным коллекциям.

На практике чешская модель показала, что доступность документов запускает общественный разговор. Публикации ÚSTR и выставочные проекты ABS сделали видимыми операционные механизмы принудительного контроля: как принимались решения, как организовывалась слежка, какие структуры за что отвечали. Благодаря этому разговор о прошлом перестал быть абстрактным и стал опираться на документы, фотографии и конкретные истории людей.

Польша

Польская архитектура памяти сформировалась вокруг Института национальной памяти (Instytut Pamięci Narodowej, IPN)²⁵, созданного законом от 18 декабря 1998 года²⁶. Институт совмещает функции специализированного государственного архива, научно-исследовательского и издательского центра, крупного образовательного учреждения и самостоятельной государственной институции с независимым руководителем. В его структуре действуют комиссии по преследованию преступлений против польского народа как специализированные подразделения прокуратуры, а также Бюро люстрации, отвечающее за ведение люстрационных процедур. Все это делает Институт национальной памяти одним из самых влиятельных государственных учреждений Польши.

Главная комиссия по расследованию преступлений против польского народа является структурой внутри Института, чьи сотрудники ведут досудебные расследования по делам о нацистских и коммунистических преступлениях, военных преступлениях и преступлениях против человечности. Даже если предполагаемые виновные умерли, расследования продолжаются ради установления обстоятельств и идентификации жертв.

---

²⁵ Instytut Pamięci Narodowej. URL: <https://eng.ipn.gov.pl>

²⁶ Act of 18 December 1998 on the Institute of National Remembrance. URL: <https://eng.ipn.gov.pl/en/about-the-institute/documents/327%2CThe-Act-on-the-Institute-of-National-Remembrance.html>

Архив Института аккумулирует и раскрывает фонды по истории Польши в XX веке, прежде всего материалы органов безопасности периода оккупации и коммунистического правления. Доступ к материалам организован так, чтобы пострадавшие, их родственники, исследователи и журналисты могли получать сведения и запрашивать копии документов. Институт выдает официальную информацию о наличии упоминаний человека в фондах и предоставляет материалы для ознакомления, соблюдая требования защиты персональных данных. В ряде случаев в документах раскрываются имена должностных лиц органов безопасности и, при соблюдении предусмотренных законом условий, лиц, сотрудничавших со службами.

Архивно-следственное ядро IPN дополнено широкой публичной сферой деятельности: образовательными и выставочными программами Национального образовательного бюро, цифровыми ресурсами, фильмами, публикациями и городскими "Историческими клубами". Образовательное подразделение переводит сложные темы в доступные форматы для школ, учителей и широкой аудитории, закрепляя результаты расследований и исследований в общественном знании.

Организационно Институт опирается на многоуровневую структуру с президентом, коллегиальным органом надзора и сетью филиалов, что позволяет совмещать централизованные стандарты с региональным присутствием. Функции и офисы структурированы по направлениям – архив, расследования, образование, научные публикации, международное сотрудничество.

Штат сотрудников насчитывает около двух тысяч человек, а архивы содержат миллионы страниц документов, что делает его крупнейшим институтом исторических исследований в стране. Институт национальной памяти Польши также активно участвует в эксгумации массовых могил, где захоронены жертвы нацистских и коммунистических репрессий, с тем чтобы идентифицировать жертв и почтить их память.

Институт нередко подвергается критике за политизацию отдельных решений и интерпретаций. В публичном пространстве встречаются различные оценки его роли. Но несмотря на споры, деятельность Института остается заметным элементом польской политики памяти.

Словакия

Словацкая модель работы с прошлым сложилась вокруг Института национальной памяти (Ústav pamäti národa, ÚPN)²⁷, учрежденного специальным законом №553/2002.²⁸ Закон прямо

---

²⁷ Ústav pamäti národa. URL: <https://www.upn.gov.sk/en>

²⁸ Act No. 553/2002 Coll. on Disclosure of Documents Regarding the Activity of State Security Authorities... and on founding the Nation's Memory Institute. URL: https://www.upn.gov.sk/data/pdf/553_2002_en.pdf

связывает создание ÚPN с задачей раскрывать документы о деятельности органов безопасности в 1939–1989 годах и тем самым обеспечивать обществу доступ к информации о нацистском и коммунистическом режимах. В одном акте соединены нормы о «раскрытии документов» и о статусе самого учреждения, что задало для всей системы одновременно правовую и организационную рамку.

Мандат ÚPN строится как триединая функция: хранить и системно обрабатывать архивные фонды органов безопасности, исследовать и публично объяснять механизмы репрессий, а также передавать в правоохранительные органы материалы, которые могут указывать на состав преступлений. На уровне задач ÚPN обязан раскрывать сведения пострадавшим, публиковать информацию о преследователях, инициировать уголовное преследование и сотрудничать с Генеральной прокуратурой. В этот же перечень включены просветительские мероприятия, публикации и присвоение статуса участника антикоммунистического сопротивления.

Архивный стержень ÚPN – это специализированный публичный архив, действующий по общему архивному закону №395/2002 и наделенный особым статусом «архива специального назначения».²⁹ Именно сюда передаются агентурные, оперативные и следственные дела бывшей чехословацкой госбезопасности (ŠtB) и других репрессивных структур, а также кино- и фотоматериалы, библиотеки и базы данных.

Контекстом для раннего этапа работы ÚPN стал люстрационный правовой режим: еще в 1991 году в Чехословакии был принят «большой люстрационный закон» №451/1991, установивший дополнительные требования к занятию государственных должностей для лиц, связанных с репрессивными структурами.³⁰ После распада федерации его логика сохранялась в национальных практиках, а создание ÚPN дополнило ее долгосрочной инфраструктурой доступа к документам и исследовательской работой.

Вместе с тем исследования словацкой политики памяти показывают, что создание ÚPN стало не только результатом внутренней эволюции, но и реакцией на внешние стимулы. В 1990–2000-е годы Словакия находилась в пространстве сильного идеологического антикоммунизма соседних стран, а принятие законов о «незаконности» коммунистического режима и создание Института во многом были связаны с трансфером моделей из Чехии и Польши и с курсом на вступление в ЕС и НАТО. При этом в самом обществе не сложился устойчивый консенсус относительно оценки коммунистического прошлого: опросы фиксировали значительную долю ностальгии по поздне-социалистическому периоду, а

²⁹ Act No. 395/2002 Coll. on Archives and Registries. URL:

https://media.unesco.org/sites/default/files/webform/mhm001/sk_actarchivesregistramdmts2002_engtof.pdf

³⁰ Термин «большой люстрационный закон» — неофициальное, но устоявшееся обозначение закона Act No. 451/1991 Coll. (Czechoslovakia). URL: <https://www.ustrcr.cz/data/pdf/normy/act451-1991.pdf>. Его обычно противопоставляют «малому люстрационному закону» №279/1992 Sb., охватывающему более узкий круг ситуаций. URL: <https://www.zakonyprolidi.cz/cs/1992-279?>

критическая рефлексия о режиме оставалась для многих второстепенной темой³¹. В результате ÚPN, в отличие от более мощного польского Института национальной памяти, часто описывается как структура с ограниченным штатом и ресурсами, без следственных полномочий и со скорее символическим весом в политической системе.

Наконец, словацкий опыт подчеркивает, что институт памяти – это не только архив и правовой механизм раскрытия. ÚPN целенаправленно переносит результаты исследований в публичное пространство через издательские серии, документальные фильмы и образовательные форматы, включая «Фестиваль свободы» и программы устной истории, что поддерживает устойчивое общественное внимание к фактам и человеческим историям периода 1939–1989 годов. Такая связка «архив – право – просвещение» закреплена в официальных материалах Института.

Германия

Немецкая политика памяти после объединения страны строилась вокруг бережного и одновременно открытого обращения с наследием спецслужбы ГДР. Ее стержнем стал особый правовой режим доступа к документам Министерства государственной безопасности (Штази), закреплённый в Законе о документах Штази 1991 года.³² Этот закон задал простое правило: каждый имеет право узнать, что именно спецслужба собирала о нем, а государственные и частные учреждения могут запрашивать сведения для строго ограниченных законом целей. Так была создана прозрачная процедура работы с фондами, которая и сегодня действует на базе Федерального архива – Архива документов Штази.³³

Первоначально управление фондами осуществлял самостоятельный орган – ведомство Федерального уполномоченного по документам Штази (BStU), широко известное как «ведомство Гаука» по имени первого руководителя. В июне 2021 года эта структура была упразднена, а архив и все полномочия по обеспечению доступа к документам перешли в Федеральный архив. Вместе с передачей фондов законодатель впервые прямо закрепил за архивом задачу реконструкции уничтоженных материалов, включая восстановление разорванных документов. Это стало символом более зрелой стадии работы с прошлым: государство не только хранит и выдает документы, но и восстанавливает утраченные части исторической картины.

Механика доступа устроена так, чтобы сочетать право человека на информацию о себе и защиту персональных данных третьих лиц. Архив выдает частным лицам их материалы, а

---

³¹ Аляксей Ластоўскі, Прапрацоўка камуністычнага мінулага ў Славакіі: асноўныя фактары і дынаміка. «Палітычная сфера» №24 (1), 2016

³² Stasi Records Act (StUG), 1991. URL: <https://www.gesetze-im-internet.de/stug/StUG.pdf>

³³ Federal Archives — Stasi Records Archive. URL: <https://www.bundesarchiv.de/en>

также обслуживает запросы исследователей и журналистов по установленным законом основаниям. Отдельно предусмотрен канал для государственных органов и некоторых частных субъектов, которые запрашивают сведения для четко определенных задач. Закон детализирует круг запрашивающих и цели использования, а уведомления архива связаны принципом «целевого назначения»: полученные данные нельзя использовать иначе, чем указано в запросе. Такая система стала немецким аналогом «проверок благонадежности» без создания всеобщей люстрации.

Параллельно с архивной инфраструктурой государство выстроило устойчивую общественную экосистему памяти. Федеральный Фонд-«Ауфарбайтунг» (Bundesstiftung zur Aufarbeitung der SED-Diktatur)³⁴, созданный специальным законом 1998 года, поддерживает исследования, образовательные программы, издания и проекты гражданского общества о диктатуре Социалистической единой партии Германии (СЕПГ) и ее последствиях. Этот Фонд стал постоянным усилителем архивной работы: он переводит сложные темы в понятные форматы – от школьных материалов и выставок до грантов для местных инициатив.

Институт современной истории (Institut für Zeitgeschichte, IfZ)³⁵ – это академический исследовательский центр, созданный в 1949 году для системного изучения нацистской диктатуры, последствий Второй мировой войны и развития Германии после 1945-го. Со временем его фокус расширился: институт исследует также историю ГДР, процессы демократизации и европейские контексты XX–XXI веков, соединяя архивную работу, научные проекты и публичное объяснение прошлого. Основу его работы составляет тщательная публикация исторических источников и представление их в доступных для широкой аудитории форматах — от многотомных документальных изданий и научного журнала «Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte» до цифровых коллекций и выставочных проектов. Именно здесь вышло и широко обсуждалось научно-комментированное издание «Mein Kampf», показавшее, как опасные тексты можно «обезвредить» тщательным научным аппаратом.

Еще один значимый компонент – мемориалы на местах репрессий. Берлинско-Хоэншёнхаузенская тюрьма Штази³⁶, превращенная в мемориал и фонд публичного права, с середины 1990-х годов работает как музей, исследовательская и образовательная площадка. Здесь бывшие заключенные часто выступают проводниками по экспозиции, а государство стабильно участвует в финансировании учреждения. Благодаря таким «местам памяти» сухие архивные карточки приобретают человеческое измерение – голос свидетеля, маршрут камеры, вид на двор для прогулок.

---

³⁴ Bundesstiftung zur Aufarbeitung der SED-Diktatur. URL: <https://www.bundesstiftung-aufarbeitung.de/de/start>

³⁵ Institut für Zeitgeschichte, IfZ. URL: <https://www.ifz-muenchen.de>

³⁶ Мемориал Берлин-Хоэншёнхаузен. URL: <https://www.stiftung-hsh.de>

Наконец, в 2021 году появился новый институт омбудсмена – Федеральный уполномоченный по делам жертв диктатуры СЕПГ при Бундестаге.³⁷ Его задача – представлять интересы пострадавших, предлагать законодательные изменения и поддерживать координацию мер памяти и социальной реабилитации. Тем самым немецкая модель дополнила доступ к документам и образовательные проекты постоянным представительством жертв в политическом процессе.

Украина

Украинская политика памяти складывалась вокруг сочетания исследовательско-образовательного института, специального режима доступа к архивам репрессивных органов и широкой мемориальной работы. Центральным актором выступает Украинский институт национальной памяти (Український інститут національної пам'яті, УІНП)³⁸ – центральный орган исполнительной власти, который разрабатывает и реализует государственную политику в сфере восстановления и сохранения национальной памяти. Особое внимание Институт уделяет событиям, сильно затронувшим украинский народ, таким как Голодомор 1932–1933 годов.

Ключевым правовым шагом стал пакет законов о “декоммунизации” апреля–мая 2015 года.³⁹ Среди них особое место занимает Закон «О доступе к архивам репрессивных органов коммунистического тоталитарного режима 1917-1991 годов»⁴⁰, который снял барьеры на пути к материалам ЧК–ОГПУ–НКВД–КГБ и прямо вывел такие запросы из действия закона о защите персональных данных. Благодаря этому любой человек и исследователь получили право на оперативный доступ к делам, картотекам и учетам бывших спецслужб, а государственные архивные учреждения обязаны выдавать копии в понятные сроки.

Практическим следствием правовой реформы стало усиление архивной инфраструктуры. Государственный архив Службы безопасности Украины, созданный еще в 1994 году, аккумулирует массивы дел советских органов госбезопасности и предоставляет доступ к ним через читальные залы и запросы. Параллельно после принятия закона 2015 года начато

---

³⁷ Закон об уполномоченном по делам жертв диктатуры СЕПГ (OpfBG), 2021. URL: <https://www.gesetze-im-internet.de/opfbg/OpfBG.pdf>

³⁸ Український інститут національної пам'яті. URL: <https://uinp.gov.ua/>

³⁹ Обзор «декоммунизационного пакета» 2015 года и его эффекты. URL: <https://euromaidanpress.com/2015/04/10/summary-of-ukraines-four-new-decommunization-bills/>; академический анализ. URL: https://dl1.cuni.cz/pluginfile.php/1640838/mod_resource/content/1/The%20Euromaidan%20Revolution%2C%20Reforms%20and%20Decommunisation%20in%20Ukraine%20-%20Anna%20Oliinyk%20%20Taras%20Kuzio.pdf

⁴⁰ Закон України «Про доступ до архівів репресивних органів комуністичного тоталітарного режиму 1917–1991 років». URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/316-19#Text>

формирование гражданского «Архива национальной памяти» при УИП как отдельной структуры, призванной централизовать доступ к оригинальным материалам репрессивных органов вне силового ведомства.

Пакет 2015 года включал также нормы о публичном осуждении коммунистического и нацистского режимов, правила символической декоммунизации и политику памяти. Практический эффект выразился в масштабном переименовании топонимов, демонтаже памятников и расширении образовательных проектов. Одновременно вокруг ряда положений шла и идет ценностная дискуссия о границах свободы выражения.

Государственный Национальный музей Голодомора-геноцида⁴¹ в Киеве стал устойчивым центром публичной истории: здесь соединяются научные экспозиции, образовательные программы, цифровые коллекции и практики увековечения, что позволяет переводить исследовательские выводы в доступный для широкой аудитории формат.

Украинский опыт показывает, что придание институту памяти статуса центрального органа исполнительной власти дает и сильные эффекты, и чувствительные риски. На основе анализа Александра Гриценко в монографии «Декомунізація в Україні як політика й явище»⁴² видно, что именно государственный статус УИП позволил быстро превратить декоммунизационные законы в действенный инструмент: за короткое время были демонтированы символы тоталитарного прошлого, массово переименованы топонимы, укреплено признание Голодомора и усилено присутствие проукраинского исторического нарратива в условиях давления российских медиа.

В то же время концентрация полномочий в руках органа исполнительной власти создала риск «ведомственной узости» и идеологизации: Гриценко показывает, как публичное представление декоммунизации через призму УИП сводится прежде всего к четырем законам, демонтажу и переименованиям, а сам Институт нередко выходит за рамки экспертно-сервисной роли, фактически толкует закон, рассылает списки «подлежащих декоммунизации» названий и выступает как неформальный надзорный игрок. В его интерпретации это усиливает подозрения, что память используется не только для критического осмысления прошлого и защиты от возвращения тоталитарных практик, но и как инструмент идеологической мобилизации и легитимации текущего политического курса.

---

⁴¹ Національний музей Голодомору-геноциду. URL: <https://holodomormuseum.org.ua/>

⁴² Гриценко О.А. Декомунізація в Україні як державна політика і як соціокультурне явище. – Київ: Інститут політичних і етнонаціональних досліджень ім. І.Ф. Кураса НАН України; Інститут культурології НАМ України, 2019. URL: https://irbis-nbuv.gov.ua/E_LIB/PDF/ukr0008508.pdf

Литва

Литовская модель памяти выстроена вокруг исследовательско-архивного ядра и четких правил доступа к фондам репрессивных служб. Центральным актором выступает Центр исследования геноцида и сопротивления жителей Литвы (Lietuvos gyventojų genocido ir rezistencijos tyrimo centras, LGGRTC), чьи задачи, правовой статус и организация работы закреплены специальным законом⁴³. Именно этот закон институционализировал функции Центра: исследовать преступления оккупационных режимов, собирать и публиковать документы, инициировать их правовую оценку и вести мемориальную деятельность.

Ключевым архивным учреждением является Литовский особый архив (Lietuvos ypatingasis archyvas, LYA)⁴⁴, который хранит фонды бывшего КГБ Литовской ССР и другие архивные материалы репрессивных органов. Архив работает в системе государственных архивов, принимает запросы, обслуживает читальные залы и выдает копии документов с соблюдением норм о персональных данных.

Доступ к информации о сотрудничестве с советскими службами был оформлен особым порядком самораскрытия. Закон, вступивший в силу 1 февраля 2000 года⁴⁵, позволил бывшим сотрудникам и негласным помощникам КГБ добровольно заявить о себе и быть внесенными в специальный реестр, при этом данные добровольно признавшихся засекречены на 75 лет. Этот режим многократно становился предметом политических дискуссий: в 2025 году Сейм отклонил инициативу об обнародовании имен лиц, которые признались в сотрудничестве, оставив в силе конфиденциальность реестра.

Публичное объяснение прошлого опирается на музейно-образовательную инфраструктуру, которую координирует и сам Центр. В бывшем управлении КГБ в Вильнюсе действует Музей оккупаций и борьбы за свободу.⁴⁶ Коллекции, экспозиции и тюремные помещения показывают повседневную «механику» несвободы, вооруженное подполье и практики репрессий. Этот музей становится самой заметной частью системы, которая связывает исследовательскую работу с массовым посещением и образованием.

В целом литовская конструкция – закон о Центре, специализированный государственный архив документов КГБ, процедурный режим доступа и реестра сотрудничавших, плюс

---

⁴³ Закон Литовской Республики «О Центре исследования геноцида и сопротивления жителей Литвы». URL: <https://e-seimas.lrs.lt/portal/legalAct/lt/TAD/TAIS.48573>

⁴⁴ Lietuvos ypatingasis archyvas. URL: <https://lya.archyvai.lrv.lt/en/>

⁴⁵ Закон Литовской Республики о регистрации, признании, учете лиц, тайно сотрудничавших со специальными службами бывшего СССР, и защите признавшихся. URL: <https://e-seimas.lrs.lt/portal/legalAct/lt/TAD/TAIS.91385>

⁴⁶ Музей оккупаций и борьбы за свободу. URL: <https://olkm.lt/en/>

музейная сеть – создает цельную систему, где право на информацию и память подкреплены институционально и работают в повседневных форматах.

Испания

Испанская политика памяти прошла путь от осторожной «памяти о примирении» к активной государственной программе, соединяющей право на доступ к архивам, эксгумации и признание жертв. Поворотной точкой стал Закон об исторической памяти 2007 года (Ley 52/2007)⁴⁷, который закрепил меры в пользу пострадавших от войны и диктатуры, признал право на символическое возмещение и институционализировал ключевые площадки работы с прошлым, в том числе Центр документального наследия исторической памяти в Саламанке⁴⁸. Этот Центр, созданный на базе Архива Гражданской войны, стал государственным местом хранения и публичного доступа к фондам о репрессиях и эмиграции, параллельно развивая выставки и образовательные программы. Таким образом, законодательство 2007 года впервые связало архив, образование и поддержку жертв в одну публичную политику.

Следующий шаг – Закон о демократической памяти⁴⁹, вступивший в силу в октябре 2022 года. Он расширил рамку 2007 года, перенастроив государственную ответственность за поиск и идентификацию исчезнувших, закрепив создание национального банка ДНК и усилив координацию эксгумаций массовых захоронений. Министерство юстиции приобрело специализированную систему для ведения банка и объявило о межведомственном проекте с участием региональных лабораторий, что придало процедурам идентификации единый стандарт и масштабируемость.

Закон о демократической памяти придал политике памяти видимость и через «места памяти». Переименовав комплекс «Долина павших» в «Долину Куелгамурос»⁵⁰, он закрепил запрет на политические акции и переосмыслил пространство как гражданское кладбище и место общенационального поминовения всех похороненных, убрав элементы политической и идеологической символики. Еще до этого, в октябре 2019 года, государство осуществило эксгумацию останков Франко из базилики комплекса по решению Верховного суда, что стало символом новой фазы публичной работы с наследием диктатуры.

---

⁴⁷ Ley 52/2007, de 26 de diciembre. URL: <https://www.boe.es/buscar/pdf/2007/BOE-A-2007-22296-consolidado.pdf>

⁴⁸ Centro Documental de la Memoria Histórica. URL: <https://www.cultura.gob.es/cultura/areas/archivos/mc/archivos/cdmh/presentacion.html>

⁴⁹ Ley 20/2022, de Memoria Democrática. URL: https://memoriademocratica.info/media/enlaces_docs_legislacion/ley-nacional-de-memoria-democratica.pdf

⁵⁰ Valle de Cuelgamuros. URL: <https://www.patrimoniocultural.es/en/visita/cuelgamuros-valley-0>

Отдельный элемент – институционализация «памяти через право». В архитектуре прокуратуры создана специализированная вертикаль в области прав человека и демократической памяти, возглавляемая прокурором Сала (Fiscal de Sala), с сетью делегатов по провинциям. Назначение и развертывание этой специализации оформлены через правительственные акты 2023 года. Такая специализированная правовая инфраструктура памяти обеспечивает сопровождение эксгумаций, защиту архивного доступа и взаимодействие с судами по вопросам реабилитации и признания.

Испания демонстрирует и многоуровневость памяти. Кроме национальных институтов, значимую роль играют региональные структуры. В Стране Басков действует институт Gogora⁵¹, который объединяет архивные коллекции о гражданской войне, насилии и правах человека, развивает образовательные материалы и базы данных жертв. В Каталонии Memorial Democràtic⁵² ведет цифровой «банк памяти», поддерживает музеефикацию мест репрессий и публичные проекты. Эти региональные центры делают политику памяти ближе к людям, переводя общегосударственные стандарты в конкретные образовательные и мемориальные практики.

В сумме испанская модель опирается на последовательность: законодательное признание и доступ, государственную ответственность за поиск и идентификацию, институции памяти на национальном и региональном уровнях, а также переосмысление спорных мест как общих пространств поминовения. Так шаг за шагом Испания постепенно переводит болезненное наследие в устойчивую публичную практику, где архив, наука, юстиция и мемориальная культура работают синхронно.

ЮАР

Южноафриканская модель памяти выросла из правового решения связать публичное установление истины, ограниченную амнистию и меры репараций в единую государственную программу. Правовую основу заложил Закон о содействии национальному единству и примирению 1995 года⁵³, который учредил Комиссию по истине и примирению⁵⁴ и подробно описал ее три опорных структуры: Комитет по нарушениям прав человека, Комитет по амнистии и Комитет по репарациям и реабилитации. Мандат был сформулирован просто и смело: установить максимально полную картину «грубых нарушений прав человека» за период конфликта, дать жертвам голос, предложить государственные меры

---

⁵¹ Gogora. URL: <https://www.gogora.euskadi.eus/inicio/>

⁵² Memorial Democràtic. URL: <https://banc.memoria.gencat.cat/ca/>

⁵³ Promotion of National Unity and Reconciliation Act 34 of 1995. URL: <https://www.gov.za/documents/promotion-national-unity-and-reconciliation-act>

⁵⁴ Truth and Reconciliation Commission of South Africa. URL: <https://www.justice.gov.za/trc/index.html>

репараций и предоставлять амнистию отдельным исполнителям при выполнении жестких условий.

Комиссия работала в публичной логике: открытые слушания, трансляции по телевидению и радио, право жертв рассказывать свои истории и возможность заявителей просить амнистию в обмен на «полное раскрытие» политически мотивированных деяний. Этот формат постепенно стал новым языком разговора о прошлом, где суд не подменялся публичной терапией, но встраивался в более широкий механизм признания и документирования. Разделы итогового Отчета Комиссии⁵⁵ фиксируют критерии политической мотивации, стандарты установления истины и границы амнистии, а также выводы о природе насилия и роли институтов в апартеиде.

Репарационная политика была выстроена как сочетание символического и материального признания. Комиссия рекомендовала разовые и долгосрочные выплаты жертвам, меры реабилитации, увековечение памяти и реформы институтов. Правительство приняло часть предложений, но не все, что с начала 2000-х годов системно критикуется правозащитниками как «неполная имплементация» репарационных рекомендаций и недостаточное закрепление долговременных гарантий неповторения. Этот зазор между рекомендациями и реализацией стал одной из центральных тем пост-комиссионной повестки.

Отдельная, менее заметная широкой публике, но важная часть наследия Комиссии – судебное «доведение до конца» того, что не подпало под амнистию. Для этого в системе прокуратуры была создана специализированная вертикаль – Priority Crimes Litigation Unit⁵⁶, которая координирует расследование и преследование дел, вытекающих из материалов Комиссии. Спустя годы эта работа пережила новый импульс. Национальная прокуратура заявила о восполнении пробелов и возобновлении приоритетных расследований по ряду эпизодов насилия времен апартеида. В 2025 году президент распорядился провести судебное расследование возможных вмешательств, которые могли тормозить такие преследования в предыдущие годы, что снова вывело нерешенные дела переходного правосудия на первый план публичной повестки.

Наконец, важным результатом стало создание публичного массива документов – от многотомного Отчета Комиссии до специализированных цифровых собраний и тематических путеводителей. Этот массив продолжает жить в образовании, журналистике и судебной практике, обеспечивая долгую циркуляцию знаний о механизмах апартеида и о человеческих историях, прозвучавших на слушаниях.⁵⁷ Тем самым южноафриканская модель

---

⁵⁵ Truth and Reconciliation Commission of South Africa, Final Report. URL: <https://www.justice.gov.za/trc/report/>

⁵⁶ Priority Crimes Litigation Unit. URL: <https://www.npa.gov.za/priority-crimes-litigation-unit>

⁵⁷ Truth and Justice: Unfinished Business in South Africa. URL: <https://www.amnesty.org/en/wp-content/uploads/2021/06/afr530012003en.pdf>

показала, как правовой дизайн, публичность процедуры и институциональная преемственность создают долговременную инфраструктуру памяти, в которой архив, репарации и уголовное преследование остаются взаимосвязанными.

Опыт формирования институтов памяти и их руководящих органов

Международный опыт показывает, что институты памяти обычно выводятся из общего ряда научных или архивных учреждений и получают особый публично-правовой статус.

В Польше Институт национальной памяти создан отдельным законом как публично-правовое государственное учреждение с собственным бюджетом и сильными гарантиями независимости его руководителя от органов государственной власти. Внутри Института действует Главная комиссия по расследованию преступлений против польского народа, которая выполняет функции органа предварительного расследования. Руководство Институтами строится вокруг Президента Института и Совета Института. Президент назначается и освобождается Сеймом с согласия Сената по представлению Совета Института. Срок полномочий Президента Института составляет пять лет, допускается не более двух сроков подряд. Совет состоит из девяти членов, которых делегируют Президент Республики, Сейм и Сенат. Совет задает стратегические ориентиры и контролирует исполнение закона. Таким образом, в польской модели соединены персональная ответственность руководителя и коллегиальная поддержка со стороны представительного органа.

Словацкий Институт памяти нации также основан специальным законом и имеет статус самостоятельного публичного учреждения, отвечающего за хранение и раскрытие архивов спецслужб, исследовательскую работу и образовательные программы. Руководящий орган – Совет директоров из девяти членов. Пятерых членов Совета директоров избирает парламент (Национальный совет), двоих назначает президент, еще двоих – правительство. Срок полномочий членов Совета шесть лет. Функции внешнего контроля выполняет Наблюдательный совет из трех членов, двоих из которых избирает парламент, одного – министр юстиции. Такое распределение полномочий между парламентом, президентом и правительством при фиксированных сроках создает систему взаимного сдерживания при формировании руководства.

В Венгрии институтом памяти выступает Комитет национальной памяти, созданный законом как независимый публичный орган, подотчетный парламенту. Комитет состоит из пяти членов, включая председателя и заместителя. Председатель и два члена избираются Национальной ассамблеей после рассмотрения их кандидатур профильной парламентской комиссией по науке и исследованиям. Остальные члены назначаются президентом Венгерской академии наук и министром юстиции. Срок полномочий для всех членов и председателя составляет девять лет с возможностью одного переизбрания. Длинный, но

ограниченный срок мандата и участие как парламента, так и академических структур подчеркивают независимый и экспертный характер органа.

Румынский Национальный совет по изучению архивов Секуритате (CNSAS) оформлен как автономный публичный орган под парламентским контролем. Руководящий орган – Коллегия из одиннадцати членов с шестилетним мандатом. Девять членов назначаются парламентскими фракциями пропорционально их представительства в парламенте, еще два – президентом и премьер-министром из числа представителей гражданского общества после консультаций с общественными организациями. Членам Коллегии запрещено состоять в политических партиях в течение всего срока полномочий. Бывшие сотрудники Секуритате и лица, причастные к преступлениям, не могут работать в Совете. Эти ограничения дополняют базовый публично-правовой статус CNSAS и снижает риск конфликта интересов.

Чешский Институт исследования тоталитарных режимов (ÚSTR) также учрежден специальным законом и действует как публичное учреждение с собственным бюджетом и исследовательско-архивным мандатом. Высшим органом Института является Совет из семи членов, избираемых Сенатом Парламента Чехии сроком на пять лет. Совет определяет стратегию, утверждает план работы и назначает директора, который отвечает за повседневную деятельность, персонал и бюджет. Таким образом, ответственность за формирование руководящего органа сосредоточена в верхней палате парламента, что подчеркивает парламентский характер контроля и дистанцию от правительства.

В Литве ключевым актором является Центр исследования геноцида и сопротивления жителей Литвы. Его задачи, правовой статус и организация работы закреплены отдельным законом. Директор Центра назначается премьер-министром и утверждается Сеймом. В 2024 году закон был обновлен и при Центре создан дополнительный коллегиальный орган – Совет из одиннадцати членов с пятилетним сроком полномочий. Состав Совета формируется смешанно: часть членов делегируют университеты через Конференцию ректоров, часть – парламентские структуры, еще часть – профессиональные и мемориальные организации. Такая модель соединяет назначение директора органами исполнительной власти с коллегиальной экспертизой и участием научного и гражданского сообществ.

Немецкий Институт современной истории (IfZ) действует как научно-исследовательский институт в составе объединения Лейбница. Он финансируется федерацией и землями и имеет статус фонда публичного права. Управление строится на двух уровнях. Попечительский совет включает представителей федерального правительства и ряда земель. Его члены назначаются соответствующими министерствами и Конференцией министров образования. Попечительский совет отвечает за ключевые кадровые решения и утверждает основные направления работы. Научно-консультативный совет состоит из внешних исследователей, которых назначает Попечительский совет. Научно-консультативный совет оценивает качество исследований и помогает задавать

научные приоритеты. Такая конструкция сочетает государственный контроль над использованием средств и академическую автономию.

Украинский институт национальной памяти имеет статус центрального органа исполнительной власти со специальной компетенцией в сфере государственной политики памяти. Институт возглавляет Председатель, которого назначает и освобождает Кабинет Министров по представлению премьер-министра на основе предложений профильного министра. У Председателя есть несколько заместителей, также назначаемых правительством по правилам государственной службы. Руководство Института встроено в общую систему исполнительной власти. В Институте нет отдельного наблюдательного совета, а политический и административный контроль осуществляет Кабинет Министров.

В Испании центральным архивно-мемориальным актором является Центр документального наследия исторической памяти в Саламанке. Директор Центра назначается министром культуры по предложению генерального директора по книгам, архивам и библиотекам. Руководящим органом выступает Попечительский совет, в который входят министр культуры как президент, представитель правительства региона Кастилия и Леон, мэр Саламанки, ректор университета, представители центральной архивной администрации, а также до десяти назначаемых экспертов в области архивов и исторических исследований. Структура и порядок работы Центра устанавливаются королевским указом. Такая схема сочетает административное подчинение министерству с участием в управлении Центром местных властей, академии и профессионального сообщества.

В итоге видно, что институты памяти в разных странах занимают промежуточное положение между классическими архивами, научными учреждениями и органами публичной власти. Их статус закрепляется в специальных законах или актах о публичных фондах и может варьироваться от независимого органа государственной власти до исследовательского института в академической сети или специализированного архивного центра. Руководящие органы строятся как сочетание единоличного руководителя и коллегиальных структур – советов, коллегий, попечительских и научно-консультативных советов. Процедуры назначения обычно открыты для нескольких субъектов: парламентов, правительств, президентов, академических учреждений и, в отдельных случаях, гражданского общества. Сроки полномочий, как правило, фиксированы и относительно длительны, нередко не совпадают с избирательными циклами, а к членам руководящих органов предъявляются требования политической нейтральности и отсутствия связи с репрессивными структурами. Все это формирует основу независимости и устойчивости институтов памяти и доверия к их решениям.

Основные выводы и рекомендации

Сопоставление разных моделей показывает простое правило: институт памяти работает устойчиво тогда, когда его мандат точно очерчен в законе, статус защищен от текущей политики, а процедуры доступа к сведениям понятны гражданам. В такой конструкции право общества на доступ к информации о нарушениях приобретает практическое содержание: кто и как принимает заявления, где искать документы, каким образом защищаются персональные данные лиц, чьи сведения подлежат охране, и как результаты работы становятся частью общественного знания. Поэтому устойчивость такой системы держится на пяти опорах: независимом мандате, открытых архивах, понятной отчетности, стабильном финансировании и постоянном переводе результатов в общественное знание – через образование, мемориальные площадки и публичные коммуникации.

Приоритетом во всех рассмотренных юрисдикциях становится презумпция открытости архивов политической полиции при точечных и проверяемых ограничениях ради защиты третьих лиц. Когда к этому добавляются электронные путеводители, читальные залы и возможность оперативно получать копии, разговор о прошлом перестает быть абстракцией и опирается на документы, фотографии и конкретные человеческие истории. Такая видимость источников не только укрепляет доверие, но и снижает риск манипуляций: архив становится местом проверки фактов, а не предметом слухов.

Опыт показывает, что установление фактов нарушений должно быть связано с правосудием. Там, где рядом с архивом действует следственное звено или налажен канал взаимодействия с прокуратурой, факты получают правовые последствия: передаются материалы по делам о преступлениях против человечности, доводятся до суда эпизоды, не подпавшие под амнистию, устраняются «белые пятна» в расследованиях прошлых лет. Такая связка требует специализированной компетенции в органах правопорядка и ясных регламентов обмена, чтобы не смешивать оценку историков и юридическую квалификацию, но и не разрывать между ними связь.

Во всех подходах в центре внимания — пострадавшие, а их опыт и потребности задают приоритеты работы институтов памяти. Публичные слушания, право дать свидетельство, уважительное обращение с травмой, символические и материальные формы возмещения – все это формирует легитимность институтов памяти и предотвращает вторичную травматизацию. Международные руководства подчеркивают, что программы репараций и меры неповторения – не факультативное приложение, а неотъемлемая часть переходной справедливости и «архитектуры памяти».

Параллельно с правовыми механизмами должны работать площадки публичной истории – музеи, мемориалы, образовательные центры, академические институты. Когда архивная

«глубина» подкреплена экспозициями, школьными материалами, цифровыми коллекциями и публичными лекциями, знание начинает циркулировать в обществе, а не замыкается в профессиональном сообществе. Такая работа со сложными темами и их представление в доступных формах без упрощения содержания – то, что обеспечивает долговременный эффект и снижает уязвимость памяти к политическим циклам.

Отдельного внимания требует институциональная независимость и подотчетность института. Коллегиальные органы надзора, распределенные полномочия по назначению руководства, ежегодная отчетность парламенту, прозрачные бюджеты и внешняя экспертиза ключевых решений – эти скучные управленческие детали и делают возможной долгую работу с прошлым без «качелей» политизации. Там, где такие предохранители ослаблены, растет риск как избирательного раскрытия, так и замораживания неудобных тем, а доверие к институту падает быстрее, чем успевает обновляться нормативная база.

Наконец, технологии и стандарты должны быть встроены в дизайн с первого дня. Речь не только о цифровых копиях и поисковых реестрах, но и о стандартах анонимизации, оцифровки и долговременного хранения, о маршрутах запросов между архивами, следственными подразделениями, омбудсменами жертв и образовательными платформами. Международная практика показывает, что именно сквозные процессы – от приема заявления до публикации итогового отчета и запуска образовательного курса – создают эффект масштаба и превращают отдельные проекты в единую экосистему памяти.

В сумме эти наблюдения складываются в практическую рекомендацию: строить институт памяти как центр нескольких направлений — архива с презумпцией открытости, исследовательской и образовательной работы, процедур взаимодействия с правосудием и устойчивых механизмов признания и возмещения вреда. Такой центр не копирует одну зарубежную модель, а опирается на общий подход: уважение к жертвам, профессиональные стандарты и надежные организационные решения, прозрачные правила. Тогда память перестает быть только предметом споров о прошлом и становится частью работы правового государства, основанной на открытых и проверяемых процедурах.

ГЛАВА 3. ПОЧЕМУ БЕЛАРУССКОМУ ОБЩЕСТВУ НУЖЕН ИНСТИТУТ ПАМЯТИ

Память — это не только про прошлое, но и про качество будущего. Беларусь пережила три связанных периода насилия: 1) советский тоталитаризм с его внесудебными расправами, депортациями и системными ликвидациями культурных институтов и практик, 2) в промежутке был период нацистской оккупации во время второй мировой войны, а затем — 3) авторитаризм постсоветского типа, унаследовавший модели безнаказанности, секретности и подавления общества. Институт национальной памяти должен разорвать эту последовательность: установить факты грубых нарушений, документировать обстоятельства преследований, восстановить имена и биографии пострадавших и обеспечить доступ к источникам. Его задача — не формировать единую интерпретацию истории, а создать условия, при которых разные группы общества могут признавать опыт друг друга, опираться на проверяемые данные и вести диалог на основе уважения и человеческой общности.⁵⁸

Советский период белорусской истории

Советское правление стало для белорусского общества временем систематического насилия: от внесудебных казней и депортаций до массового подавления культуры, веры и частной жизни. Между революцией 1917 года и смертью Сталина в 1953-м, по неполным оценкам, жертвами политических репрессий в Беларуси стали сотни тысяч человек. Исследования называютвилку от примерно 600 тысяч до свыше 1,4 миллиона пострадавших, из которых порядка 250 тысяч проходили по приговорам «двоек», «троек» и спецкомиссий либо были казнены без суда.⁵⁹ Эти расхождения отражают главную проблему – закрытость архивов КГБ в Беларуси, которая до сих пор препятствует точному учету преступлений и имен жертв.

Пиком стал Большой террор 1937–1938 годов.⁶⁰ В ночь на 30 октября 1937-го – «Ночь расстрелянных паэтаў» – чекисты расстреляли более ста ведущих представителей белорусской культуры и управления, а в последующие месяцы машина террора уничтожала людей

---

⁵⁸ Farida Shaheed, Report of the Special Rapporteur in the field of cultural rights. URL: <https://www.refworld.org/reference/themreport/unhrc/2014/en/59470>

⁵⁹ Soviet repressions in Belarus. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Soviet_repressions_in_Belarus

⁶⁰ Большой террор и Беларусь: истребляли целыми селами. URL: <https://argumentua.com/stati/bolshoi-terror-i-belarus-istrebyali-tselymi-derevnyami>

тысячами. С марта 1937 года по 22 мая 1938 года (444 дня) в Беларуси было репрессировано около 100 тысяч человек (в среднем за ночь арестовывали 230 человек).⁶¹

Символом коммунистического террора стало урочище Курапаты на окраине Минска – место массовых расстрелов НКВД в 1937–1941 годах. Точная цифра жертв остается предметом научной дискуссии: официальные оценки разных лет и исследовательские работы дают диапазон от «не менее 30 тысяч» до «сотен тысяч» убитых.⁶² Сам разброс – следствие намеренной секретности и уничтожения следов. В 2004 году Курапаты были включены в реестр объектов культурного наследия как место уничтожения жертв политических репрессий.

Отдельного внимания требует период второй мировой войны. Несмотря на огромные человеческие потери и разрушения, полная картина событий в БССР до сих пор не создана. Ряд сложных тем — преступления отдельных подразделений советской армии против гражданского населения, нарушения со стороны советских партизан, случаи принудительной мобилизации, действия оккупационных администраций, а также судьбы людей, оказавшихся между несколькими режимами, долгое время оставались вне публичного рассмотрения или интерпретировались через узкие идеологические схемы. История коллаборационизма, принуждения, сопротивления и повседневного выживания требовала бы источниковедческого анализа, однако советская цензура и ограниченный доступ к фондам КГБ и военным архивам сделали такую работу невозможной. В результате общество унаследовало фрагментарное знание о войне, в котором не отражены ни сложность человеческих выборов, ни полный спектр нарушений прав гражданского населения.

После второй мировой войны репрессии продолжились в логике «зачисток» и тотальной лояльности: уголовные дела за «антисоветскую агитацию», спецпоселения для «врагов народа», преследование подполья и депортации «неблагонадежных» семей. Под удар попадала и религиозная жизнь – от закрытия храмов до преследования священников, а также белорусская гуманитарная интеллигенция, у которой отнимали язык и память через цензуру, идеологический контроль и переписывание истории. Если учесть, что перед Второй мировой войной в БССР проживало около 5 миллионов человек, то получается, что советская власть репрессировала каждого десятого жителя на ее территории. Более того, в 1930-е годы было уничтожено около 90% белорусской интеллигенции.⁶³

Советская культура секретности тоже разрушала права человека. Трагедию Чернобыля 1986 года, когда на Беларусь, по оценкам, пришлось около 35% радиоактивных осадков, власти встретили замалчиванием и запоздалой эвакуацией. После аварии на ЧАЭС на примерно 66%

---

⁶¹ Ноч расстрелянных паэтаў. URL: https://be-tarask.wikipedia.org/wiki/Чорная_ноч

⁶² Kurapaty. URL: <https://en.wikipedia.org/wiki/Kurapaty>

⁶³ Савецкія рэпрэсіі ў Беларусі. URL: https://be-tarask.wikipedia.org/wiki/Савецкія_рэпрэсіі_ў_Беларусі

территории страны уровни загрязнения почвы цезием-137 превышали допустимые нормы.⁶⁴ Десятилетия спустя загрязненные земли и подорванное здоровье целых регионов остаются наглядным доказательством того, как скрытность и отсутствие подотчетности превращают право на информацию и на здоровье в пустую декларацию.

Именно поэтому советский период – не «закрытая страница», а незавершенная повестка справедливости. Право на истину – индивидуальное и коллективное – требует установить факты, назвать ответственных, восстановить имена и вернуть достоинство. Это не жест доброй воли, а признанный международными стандартами элемент правовой защиты жертв и гарантия неповторения. Для белорусского общества это означает: открыть архивы, создать независимый механизм установления истины, упорядочить места памяти и интегрировать проверенную информацию в образование. Так право «знать, что произошло» становится мостом между прошлым и безопасным будущим.

Период авторитарного режима А. Лукашенко

Авторитарное правление в Беларуси с самого начала правления А. Лукашенко выстраивалось как система масштабных нарушений прав человека. Уже в 1999–2000 годах бесследно исчезли бывший министр внутренних дел Юрий Захаренко (7 мая 1999), бывший вице-спикер Верховного Совета Виктор Гончар и предприниматель Анатолий Красовский (16 сентября 1999), а также журналист Дмитрий Завадский (7 июля 2000)⁶⁵ – преступления, к которым, по данным расследований, могли быть причастны так называемые «эскадроны смерти»⁶⁶. Парламентская ассамблея Совета Европы в 2004 году констатировала срыв официальных расследований и указала на необходимость проверки возможной причастности высокопоставленных должностных лиц и специальных подразделений к этим «исчезновениям», что стало ранним свидетельством государственной безнаказанности.⁶⁷

После каждых выборов и референдумов следовали массовые задержания и уголовные дела. На президентских выборах 19 декабря 2010 года силовики разогнали протест в Минске, задержав свыше 700 человек, включая кандидатов в президенты. Международные наблюдатели зафиксировали избиения и политически мотивированные преследования.⁶⁸ Эта

---

⁶⁴ Последствия чернобыльской катастрофы для Беларуси. URL:

<https://chernobyl.mchs.gov.by/informatsionnyy-tsentr/posledstviya-chernobylskoy-katastrofy-dlya-belarusi/>

⁶⁵ Исчезновения людей в Беларуси. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Исчезновения_людей_в_Беларуси

⁶⁶ «Я понял, что их будут убивать». Что рассказал боец белорусского СОБР в швейцарском суде. URL:

<https://www.bbc.com/russian/articles/cw48rpkj87o>

⁶⁷ ПАСЕ, Disappeared persons in Belarus (доклад Х. Пургуридиса), 2004. URL: <https://pace.coe.int/en/files/10456>

⁶⁸ Belarus, 2010 Country Reports on Human Rights Practices. URL:

<https://2009-2017.state.gov/j/drl/rls/hrrpt/2010/eur/154414.htm?safe=1>

повторяющаяся модель – управляемые кампании голосования, давление на оппозицию и последующие силовые «зачистки» – стала фундаментом для более масштабной волны репрессий после 2020 года.

За пять лет после августа 2020-го репрессии приобрели массовый и системный характер. Правозащитный центр «Весна» задокументировал свыше 100 000 фактов преследования – от обысков, задержаний и допросов до уголовных дел, пыток и бесчеловечного обращения. Число политзаключенных выросло в 47 раз – с 25 до 1 187 человек. Всего с 2020 года по август 2025 года статус политзаключенного получили 4 064 человека, из них 776 – женщины. Не менее 8 532 человек стали фигурантами уголовных дел, при этом вынесено не менее 7 299 политически мотивированных приговоров. Отдельно за участие в мирных акциях по «протестным» статьям осуждены как минимум 3 673 человека. Восемь политзаключенных умерли в заключении. За весь период не возбуждено ни одного уголовного дела по фактам пыток и смертей протестующих и узников.⁶⁹

Власти используют и новые инструменты давления. Растет практика заочных приговоров (180 случаев) над теми, кто находится за пределами Беларуси. Не менее 52 политзаключенных были освобождены и немедленно депортированы в Литву, многих без каких-либо документов и без иного гражданства.⁷⁰

Система последовательно уничтожала независимые институты общества. С 2020 года власти принудительно ликвидировали более 1 800 организаций гражданского общества.⁷¹ Дополнительным рычагом стало клеймение инициатив как «экстремистских формирований»: к концу 2024 года госорганы признали 257 субъектов «экстремистскими», причем только за 2024 год – 89 новых решений.⁷² Беларусь остается одним из крупнейших тюрем для журналистов в Европе и вошла в топ-3 стран по числу заключенных журналистов.⁷³

К 2024–2025 годам международные механизмы оценили ситуацию как «широкие и систематические нападения на гражданское население», достигающие порога преступлений против человечности: пытки, незаконные лишения свободы, преследование по

---

⁶⁹ Пять лет репрессий в Беларуси. URL: <https://spring96.org/ru/news/118453>

⁷⁰ Белорусские политзаключенные депортированы в Литву без паспортов. URL: <https://tsikhanouskaya.org/ru/news/belarusskie-politzaklyuchennye-deportirovany-v-litvu-bez-pasportov.html>

⁷¹ The destruction of independent NGOs continues in Belarus. URL: <https://racyja.com/en/politics/the-destruction-of-independent-ngos-continues-in-belarus/>

⁷² In 2024, 89 "extremist formations" were recognized, including media, a theater troupe, and public organizations. URL: <https://spring96.org/en/news/117124>

⁷³ Охота на медиа: Беларусь вошла в топ-3 стран по числу заключенных журналистов. URL: <https://planbmedia.io/down/ohota-na-media-belarus-voshla-v-top-3-stran-po-chislu-zakljuchennyh-zhurnalistov.html>

политическим мотивам, гендерно-специфическое насилие, принуждение к эмиграции и лишение прав.⁷⁴

Новый доклад Группы независимых экспертов при Совете ООН по правам человека фиксирует⁷⁵, что с 1 мая 2020 года в Беларуси совершались преступления против человечности в виде политического преследования и заключения под стражу, причем репрессии носили широкомасштабный и системный характер, координировались на высоком уровне и сопровождались нежеланием государства расследовать пытки, произвольные задержания и иные грубые нарушения. Доклад подчеркивает абсолютный контроль президента над силовыми и судебными институтами, централизованное применение силы против мирных протестов и последующую практику отказов в возбуждении дел по заявлениям жертв, что закрепляет режим безнаказанности.

Отдельный раздел доклада посвящен праву белорусов на установление истины, справедливые средства правовой защиты, возмещение вреда и гарантию неповторения, причем «право знать» понимается и как индивидуальное, и как общественное — общество должно получить полную, официально подтвержденную картину нарушений, их причин и исполнителей.

Именно поэтому период правления Лукашенко требует институционального осмысления права на установление фактов. Для белорусского общества это означает: полное и независимое документирование нарушений, централизованный учет жертв и открытый доступ к материалам следствий и судебной статистике, долговременное архивирование свидетельств, верификацию данных о пострадавших от нарушений прав человека, прозрачную информацию о ликвидации организаций гражданского общества и о включении людей в так называемые “экстремистские” списки, а также включение подтвержденных данных в образование и публичную память. Право на установление фактов — необходимое условие справедливости и гарантия неповторения.

Осмысление пережитого насилия – не дань прошлому, а условие безопасности в будущем. Без официально признанных фактов о репрессиях, без именных списков и описанных механизмов преступлений общество обречено на повторение циклов страха и лжи. Институт национальной памяти должен стать центром притяжения для архивов, хабом для оцифровки и долгого хранения, местом, где выстраиваются методики идентификации жертв, создаются карты мест памяти, готовятся экспертные заключения для судов и международных органов. Его задача — соединить научную добросовестность с уважением к человеческому

---

⁷⁴ Группа независимых экспертов ООН по Беларуси представила свой первый доклад. URL: <https://news.un.org/ru/story/2025/02/1461351>

⁷⁵ Устранение пробелов в сфере привлечения к ответственности за нарушения прав человека и связанные с ними преступления в Беларуси. Доклад Группы независимых экспертов по положению в области прав человека в Беларуси A/HRC/60/CRP.1. URL: <https://www.ohchr.org/sites/default/files/documents/hrbodies/hrcouncil/ohchrbelarus/a-hrc-60-crp-1-russian-version.pdf>

достоинству: обеспечить доступ к документам, защитить свидетелей, подготовить учителей, поддержать журналистов и музейных работников и вернуть в общественное пространство знания, основанные на проверяемых источниках.

Такое институциональное решение сделает право на истину практикой: оно позволит семьям получить ответы, обществу – коллективное пространство памяти, а государству будущей Беларуси – инструменты правосудия переходного периода. В этом – смысл создания Института национальной памяти: превратить травму в урок, справедливость – в норму, а память – в ресурс демократического развития.

ГЛАВА 4. КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ И АРХИТЕКТУРА ИНСТИТУТА НАЦИОНАЛЬНОЙ ПАМЯТИ БЕЛАРУСИ

Проще всего представить будущий Институт как публичный сервис, который соединяет право на установление фактов с повседневными процедурами. Его задача — не только хранить документы, но и превращать их в ответы для людей, в доказательства для правосудия и в знания для общества. Отсюда вытекает базовая логика конструкции: независимый мандат, архивы, открытые по общему правилу, четкие критерии доступа и узкий, прямо предусмотренный законом перечень оснований для временного ограничения доступа или анонимизации персональных данных. Важной частью работы становится постоянный перевод результатов в образование, мемориальные практики и публичные коммуникации. Там, где такие элементы закреплены в законе и поддержаны устойчивым финансированием и надзором, память перестает зависеть от политических сезонов и начинает функционировать как предсказуемая государственная услуга.

Мандат Института должен опираться на специальный закон и связанные с ним нормы об архивном деле, уголовном процессе, защите персональных данных и другие, которые определяют его задачи, полномочия и порядок работы. При этом при разработке такой правовой базы важно учитывать международные стандарты в области прав человека. Эти стандарты исходят из того, что на государстве лежит обязанность расследовать серьезные нарушения, сохранять и раскрывать доказательства, обеспечивать участие пострадавших и публиковать существенные факты, а также использовать мемориальные и образовательные меры как одну из форм возмещения и восстановления нарушенных прав. В такой логике установление и признание фактов рассматриваются как часть средств правовой защиты, наряду с денежной компенсацией и реабилитацией. В своей работе Институт должен следовать этим ориентирам: бережно обращаться с архивами, не допускать сокрытия или уничтожения материалов, выстраивать процедуры доступа, которые понятны гражданину, и регулярно отчитываться перед обществом о результатах своей деятельности.

Архитектура Института складывается вокруг пяти направлений, которые работают вместе и дополняют друг друга.

Первое направление — архивы и доступ к документам. Речь идет о модернизации всего архивного дела и регулирования данных, а не только о работе одного учреждения. Необходимо законодательно закрепить, что документы о репрессиях, насильственных исчезновениях и политически мотивированном преследовании относятся к информации

значимого публичного интереса. Это означает презумпцию открытости таких материалов, четко прописанные в законе исключения и понятные правила анонимизации персональных данных там, где это действительно необходимо. Украинский опыт показывает, как можно снять барьеры к фондам ЧК–ОГПУ–НКВД–КГБ: вывести эти материалы из-под общего режима персональных данных, установить обязательные сроки рассмотрения запросов и обеспечить право получать копии.

Для Беларуси важно, чтобы архивная работа Института была встроена в общий государственный архивный фонд. Архив Института может оформляться как специализированная часть этого фонда, связанная с другими архивами едиными стандартами описания, оцифровки и хранения. При этом Институт получает право работать с оригиналами и копиями документов, создавать собственные читальные залы, электронные путеводители и тематические базы данных, помогать гражданам с навигацией по фондам и обеспечивать удаленный доступ к материалам в пределах, установленных законом. Такой подход позволяет одновременно соблюдать принцип целостности архивных фондов и выполнять задачу Института — обеспечить широкий, удобный и современный доступ к документам о репрессиях и других грубых нарушениях прав человека.

Второе направление – исследование и образование. Опыт Чехии показывает, что документы начинают работать на общественное понимание тогда, когда научные публикации, выставки и мультимедийные проекты объясняют, как на практике была устроена система слежки и давления на людей и как функционировали репрессивные органы. На практике это означает регулярные сборники и журналы, школьные и университетские модули, передвижные экспозиции и работу с местами памяти, где свидетельства и материальные источники помогают объяснять сложные темы в понятной форме. В такой модели сведения о прошлом становятся частью общего знания общества и опираются на проверяемые данные, а не ограничиваются обсуждением в узкоакадемической среде.

Третье направление — взаимодействие с правосудием. Польский опыт показывает, что архивная, исследовательская и образовательная работа может сочетаться с процессуальными функциями: специализированные подразделения там имеют право инициировать уголовные дела о нацистских и коммунистических преступлениях или, по крайней мере, устанавливать обстоятельства и идентифицировать жертв. Для Беларуси важен не перенос этой модели, а сама логика связки: Институт должен иметь право обращаться в прокуратуру с представлениями о возбуждении уголовных дел и передавать материалы, указывающие на возможные составы преступлений. Такая процедура позволяет, чтобы результаты его работы не оставались только частью общественной дискуссии, а становились частью правовой реакции государства. Южноафриканский опыт также подчеркивает необходимость такого перехода: от публичного установления фактов к их процессуальному рассмотрению и работе судебной системы. Эта связка снижает риск безнаказанности и укрепляет доверие к правовым процедурам.

Четвертое направление — меры возмещения и мемориальная политика. Опыт комиссий по установлению фактов в разных странах показывает, что программы восстановления нарушенных прав эффективны тогда, когда они объединяют как материальные, так и символические меры и опираются на результаты расследований и собранные доказательства. Для Института это означает участие в разработке и реализации таких мер, как публикацию установленных фактов, проекты по увековечиванию, образовательные инициативы и поддержку семей пострадавших, обеспечивая, чтобы эти шаги соответствовали международным стандартам и рекомендациям ООН. Испанский опыт показывает, что последовательность действий — признание нарушений и открытый доступ к информации, государственная ответственность за поиск и идентификацию пропавших, создание институций памяти на разных уровнях и переосмысление спорных мест — позволяет превратить травматическое наследие в устойчивую и понятную публичную практику.

Пятое направление — кадровая добросовестность и механизмы проверки прошлого. В условиях перехода к законности и прозрачному государственному управлению важно связать право на установление фактов с требованиями к публичной службе. В этой логике Институт может включать Люстрационное бюро — специализированное подразделение, которое работает с самодекларациями лиц, претендующих на определенные государственные должности.⁷⁶ Такая модель применяется в ряде стран: лица, занимающие или желающие занимать определенные законом публичные позиции, подают декларацию о своей деятельности в период репрессивного режима и о возможных связях с органами принуждения.

Независимо от того, какой подход к люстрации будет принят — на основе самодекларирования или в более формализованной процедуре,— работа такого бюро должна опираться на архивы и проверяемые данные. Его задача заключается не в наказании, а в объективной проверке: сопоставить сведения заявителя с документами, свидетельствами и другими источниками, оценить полноту и точность самодекларации и подготовить юридически значимое заключение для кадровых решений.

Польский опыт показывает, что такое подразделение органично встраивается в экосистему Института памяти, потому что наряду с архивом и следственными функциями он несет ответственность за верификацию сведений о прошлом должностных лиц и люстрацию. Польский Институт национальной памяти исторически совмещает крупнейший архив, исследовательскую и образовательную работу, полномочия в сфере люстрации, что делает проверку деклараций не отдельной кампанией, а частью устойчивого публичного сервиса с доступом к источникам и профессиональными стандартами проверки. В белорусской конструкции это добавит к архитектуре Института еще один канал защиты от повторения

---

⁷⁶ Концепция люстрации для Беларуси. URL: https://tsikhanouskaya.org/kancepciya_lustracii_ru.pdf

злоупотреблений: на входе в систему публичной службы появится фильтр, работающий на языке права и документов, а не слухов и политических ярлыков.

Чтобы такая система работала, Институту нужна продуманная организационная схема. Во главе — руководящий орган с устойчивым к политическому давлению статусом и прозрачной процедурой назначения. Его работу может дополнять общественный совет, который обеспечит обратную связь и связь с обществом. Важно, чтобы его состав отражал разнообразие опыта — представителей пострадавших, специалистов по работе с памятью из различных профессиональных сред. Задача такого совета — не регулировать научную работу и не подменять принятие решений, а давать консультации, оценивать влияние решений на людей и помогать поддерживать доверие к Институту.

На уровне повседневной работы эта модель должна раскрываться через несколько взаимосвязанных функций. Архивная работа включает прием и хранение фондов, оцифровку, подготовку путеводителей и организацию читальных залов. Исследовательское направление превращает массив документов в доказательные обзоры, тематические исследования и публичную историю. Образовательные и мемориальные программы выводят результаты этой работы в школы, музеи, медиа и пространства памяти. Сервис по работе с запросами граждан обеспечивает легкий, быстрый и практичный доступ к информации. Люстрационное бюро сопоставляет данные из самодеклараций для «защищенных должностей» с архивами и другими источниками, обеспечивает процессуальные гарантии для декларантов и готовит юридически значимые заключения для кадровых решений, действуя в постоянном взаимодействии с архивистами и правоприменителями. На стыке всех этих функций должны действовать ясные стандарты защиты персональных данных и узкие, четко обоснованные исключения для действительно чувствительных сведений при презумпции открытости, которая лежит на государстве как обязанность и не может сниматься общими ссылками на секретность.

Опыт разных стран показывает простое правило: когда мандат очерчен в законе, архивы по умолчанию открыты, отчетность понятна, финансирование стабильно, а результаты работы регулярно объясняются обществу простым и понятным языком, институт памяти выдерживает смену политических циклов и остается полезным людям. Именно такая архитектура нужна Беларуси, чтобы прошлое не управляло будущим, а знание и достоинство стали ее главным ресурсом.

ГЛАВА 5. МАНДАТ, ПОЛНОМОЧИЯ И УСТРОЙСТВО ИНСТИТУТА НАЦИОНАЛЬНОЙ ПАМЯТИ БЕЛАРУСИ

Институт национальной памяти Беларуси (далее - ИНПБ) предлагается создать как государственное учреждение, действующее на основании специального закона и устава, подотчетное парламенту и наделенное особым мандатом в сфере права на истину, архивов и переходного правосудия.

Институт национальной памяти Беларуси выполняет следующие **функции**:

- документирует и исследует историю политических репрессий, иных массовых нарушений прав человека и связанных с ними практик государственного насилия в Беларуси в XX–XXI веках, публикует результаты и объясняет их понятным языком для разных аудиторий;
- формирует и поддерживает архивные фонды о репрессиях и деятельности репрессивных органов, принимает на хранение и профессионально обрабатывает документы государственных структур, а также частные коллекции и семейные архивы, если они соответствуют задачам ИНПБ;
- обеспечивает обществу устойчивый, по общему правилу открытый доступ к архивам и иной общественно значимой информации о репрессиях, поддерживает прозрачные и предсказуемые процедуры рассмотрения запросов граждан и исследователей;
- разрабатывает и реализует образовательные, культурные и мемориальные программы: школьные и университетские модули, выставки, музейные проекты, места памяти и работу с топографией репрессий на национальном и региональном уровнях, а также оказывает методическую поддержку музеям, локальным инициативам и другим учреждениям, занятым сохранением памяти;
- работает с жертвами и их семьями: принимает заявления и свидетельства, документирует нарушения, помогает в реабилитации, подтверждает факты преследования, выдает необходимые документы, информирует семьи, обеспечивает защиту свидетелей, содействует поиску и идентификации пропавших без вести, координирует эксгумации совместно с компетентными органами и развивает ДНК-идентификацию;
- взаимодействует с органами правосудия и механизмами правосудия переходного периода: готовит архивные подборки и экспертные заключения, передает материалы о признаках преступлений, поддерживает расследования, при необходимости хранит архивы возможной комиссии по установлению истины и, при наличии соответствующего закона, обеспечивает проведение люстрационных проверок;
- координирует международное и межведомственное сотрудничество в сфере памяти, участвует в выработке единых стандартов доступа к архивам, идентификации жертв и мемориальной работы.

Для выполнения этих функций ИНПБ должен обладать следующими **полномочиями**:

- получать, запрашивать и принимать на постоянное хранение документы и иные материалы от государственных органов, организаций и частных лиц, создавать и вести собственные архивные фонды и базы данных, включая их описание, оцифровку, копирование и долговременное хранение;
- организовывать доступ к документам и данным: утверждать (в пределах закона) процедуры приема и рассмотрения запросов, устанавливать разумные и понятные сроки ответов, развивать читальные залы и электронные сервисы для граждан и исследователей; применять только те ограничения доступа и формы анонимизации, которые прямо предусмотрены законом для защиты персональных данных и действительно чувствительной информации, и обеспечивать возможность обжалования решений о таком ограничении;
- создавать и развивать цифровую инфраструктуру открытого доступа: использовать общие стандарты метаданных, обеспечивать машиночитаемые форматы и программные интерфейсы (API), публиковать наборы открытых данных и тематические реестры, поддерживать инструменты визуализации и аналитики, выстраивать устойчивую систему резервного и аутентичного хранения цифровых копий, принимать внутренние правила информационной безопасности и ответственного использования технологий, включая искусственный интеллект, строго в рамках требований закона и с приоритетом неприкосновенности архивных материалов;
- проводить научные и прикладные исследования, издавать монографии, отчеты, справочники и иные публикации, разрабатывать и распространять методические материалы для школ, вузов, музеев, СМИ и других партнеров;
- создавать и реализовывать образовательные и мемориальные программы и проекты, заключать договоры и соглашения с учреждениями образования и культуры, органами власти и общественными инициативами, привлекать к этой работе экспертов и представителей пострадавших сообществ;
- принимать и фиксировать заявления жертв и их семей, оформлять протоколы и иные документы, выдавать официальные справки и заключения о фактах преследования, обращаться в уполномоченные органы по вопросам помощи, реабилитации, социальной и медицинской поддержки;
- инициировать и координировать работы по поиску и идентификации пропавших без вести, эксгумациям и ДНК-идентификации, заключать соглашения с профильными лабораториями, экспертными учреждениями и следственными органами;
- обращаться в правоохранительные органы и суды, передавать им материалы и подготовленные экспертные заключения;
- при наличии отдельного закона о люстрации — принимать и проверять самодекларации кандидатов на «защищенные должности», вести соответствующие реестры, обмениваться информацией с органами власти в установленном законом порядке при соблюдении процессуальных гарантий;
- заключать соглашения о сотрудничестве с государственными органами, учреждениями культуры и образования, научными организациями, общественными объединениями, а также с зарубежными и международными структурами, участвовать в совместных проектах и обмене опытом.

Система управления Институтом национальной памяти Беларуси должна сочетать механизмы независимости и устойчивости с демократическими процедурами и подотчетностью парламенту и обществу. Руководящими органами ИНПБ являются Совет ИНПБ как орган стратегического руководства и надзора и исполнительный директор ИНПБ, отвечающий за повседневное управление и реализацию мандата.

Совет ИНПБ утверждает стратегические планы и приоритеты работы, задает общее направление документирования, исследований, образовательных и мемориальных программ, рассматривает и утверждает годовой отчет директора, оценивает соблюдение мандата ИНПБ, стандартов права на истину, презумпции открытости и правил защиты персональных данных.

Директор ИНПБ организует работу Института, руководит персоналом и бюджетом, отвечает за исполнение стратегических решений Совета, за архивную, исследовательскую, образовательную, мемориальную деятельность и работу с запросами граждан и жертв, представляет ИНПБ во взаимодействии с органами власти, судами, международными структурами и гражданским обществом.

Совет ИНПБ задумывается как коллегиальный орган стратегического руководства и надзора. Он состоит из 11 членов и формируется по принципу назначения представителей от разных институтов, связанных с памятью, правосудием, правом и защитой прав человека. По одному члену Совета назначают: парламентский профильный комитет (от имени парламента), Президент Республики Беларусь, Национальный архив Республики Беларусь, Институт истории Национальной академии наук Беларуси, Национальный совет правосудия, Министерство культуры и Коллегия адвокатов Беларуси. Дополнительно в составе Совета резервируются 4 места для представителей объединений жертв и правозащитных организаций, а также независимого академического сообщества. Порядок их выдвижения может строиться на открытом приглашении к участию и прозрачной процедуре отбора, закрепленной в законе. Все члены Совета назначаются как независимые эксперты, действующие в личном качестве: каждый из них формально выдвигается соответствующим институтом, но при исполнении полномочий не представляет его интересы, а руководствуется мандатом Института и законом. Каждый из указанных субъектов в установленный срок своим официальным актом направляет в Институт фамилию и документы своего представителя в Совет ИНПБ с указанием решения о его назначении. Члены Совета должны обладать безупречной репутацией, опытом в сфере истории, права, архивного дела, просветительской деятельности или защиты прав человека, не могут быть причастны к работе репрессивных органов или серьезным нарушениям прав человека, а также находиться в конфликте интересов с задачами Института и выполняют свои обязанности независимо от органов, которые выдвинули их кандидатуры.

Срок полномочий члена Совета составляет шесть лет без права повторного назначения. Чтобы сохранить институциональную память и снизить риск резкой смены курса, вводится

механизм поэтапного обновления: каждые два года обновляется приблизительно треть состава. Для запуска такой схемы первые назначения делятся на три группы с разными сроками – два, четыре и шесть лет. После этого все последующие назначения осуществляются уже на полные шесть лет. Председателя Совета члены избирают из своего состава тайным голосованием.

Директор ИНПБ назначается парламентом на пять лет по результатам открытого конкурса с ограничением не более двух сроков. Конкурс на должность директора организуется конкурсной комиссией, формируемой профильной комиссией парламента в порядке, установленном законом. Досрочное прекращение полномочий директора допускается только в исключительных случаях, прямо перечисленных в законе, и оформляется решением парламента, принятым квалифицированным большинством после открытых слушаний с участием самого директора и Совета ИНПБ. Такой порядок делает руководителя защищенным от произвольной смены по политическим мотивам, но не лишает парламента возможности реагировать на реальные злоупотребления.

Персонал ИНПБ состоит из сотрудников, замещающих должности государственной службы, и работников, которые выполняют иные функции и не имеют статуса госслужащих. Все они принимаются на работу по трудовым договорам (контрактам), в порядке и на условиях, установленных законодательством о государственной службе и трудовым законодательством.

Основной источник финансирования ИНПБ – государственный бюджет. Также допускаются пожертвования, международная помощь и другие не запрещенные законом источники доходов. Законодательно следует закрепить ежегодную публикацию бюджета ИНПБ, а также регулярный внешний аудит.

Такая архитектура руководящих органов позволяет соединить несколько важных задач. Институт остается независимым государственным учреждением, опирающимся на профессиональное руководство и коллегиальный Совет, в который включены ключевые институции памяти, науки, правосудия, культуры, адвокатуры и гражданского общества. В то же время сохраняется центральная роль парламента в назначении директора, что особенно важно при наличии у ИНПБ люстрационного мандата и участия в переходном правосудии. Система ротации членов Совета, ограниченный срок полномочий директора и членов Совета, не совпадающие с избирательными циклами, делают Институт устойчивым к смене политических циклов.